

Я был Мюллером лишь семнадцать мгновений весны

Несколько недель телевидение Санкт-Петербурга крутило небезызвестные «Семнадцать мгновений весны», еще и еще раз демонстрируя, что наши сериалы были ничуть не менее занимательны, чем нынешние мыльные оперы импортного производства.

Народ опять вздохнул — рассказывает анекдоты про Штирлица, Мюллера и их коллег.

Но есть человек, который морщится при упоминании имени Мюллера. Это сам... Мюллер. Вернее, актер Леонид Броневой, его сыгравший.

— ...И к тому же сыгравший его «чересчур человечным», чем вызвал тогда серьезное недовольство у знатоков киноискусства из ЦК КПСС, — старается улыбнуться Леонид Сергеевич. — О своем настоящем имени мне пришлось надолго забыть. Броневой? А-а, Мюллер...

— И все же вы, надеюсь, не станете отрицать, что популярностью своей обязаны прежде всего ему. Начинали с провинциальной сцены и частенько меняли театры. Кстати, почему?

— В одних случаях потому, что приглашали на новые, интересные роли. В других — из-за зарплаты, которую кое-где не выплачивали по полгода, а то и по году. Вот и помотался: Воронеж, затем Магнитогорск, откуда меня и переманил в Оренбург на роль Ленина режиссер местного театра Куликовский. Раньше мне таких ролей не предлагали. Потом студия МХАТа,

распределение в Грозный, работа в Иркутске.

В Москву же я перебрался не славу искать. Просто умерла моя первая жена, и мне вместе с 4-летней дочкой пришлось перебраться к теще. Хотя в провинции работать мне нравилось.

— А почему вы бросили Театр на Малой Бронной и перешли в Ленком?

— Ушел Эфрос — вот и вся причина. А тут как раз предложение от самого Марка Захарова. Почему «самого»? Никто, начиная с 1886 года, не смог поставить «Чайку» так, как он. Да и вряд ли когда-нибудь сможет. И потому, он очень тепло относится к актерам. Я, например, никогда с ним не спорю. А зачем? Все, что он предлагает делать на сцене, надо делать.

— Как вы смотрите на то, что некоторые, даже известные, актеры теперь стали подрабатывать в рекламных роликах?

— А что? Если реклама хорошая, почему бы не сняться разок-другой? В театре ведь платят очень мало... Хотя реклама у нас в основном пошлая...

— В кино сейчас снимаются?

— Пригласят — не откажусь. Да что-то не зовут. Видно, для «коммерческих» фильмов, каковых сегодня пруд пруди, не гожусь.

— Вы же одно время мечтали сыграть Обломова. А кого хотели бы сыграть сейчас?

— Да. Я переболел Обломо-

вым... Сначала, помню, прочитал главы из этого романа на радио. И вдруг Борис Евгеньевич Захава — замечательный режиссер, ученик Вахтангова — предлагает мне именно эту роль! Но руководитель художественного совета ТВ «зарезал» мою кандидатуру. Тогда и Захава показал свой характер — без меня снимать отказался.

Когда-то хотел сыграть и Арбенина, да, видно, возрастом вышел. Согласился бы и на Фамусова, и на Городничего из гоголевского «Ревизора», а в пьесе Горького «На дне» — хоть на любую роль: там они все хороши. И очень мне близки. Так что не мечта это, а скорее потребность души.

— Вы всегда и во всем предпочитаете классику?

— Да, и особенно Чехова. У классика ведь ничего нельзя изменить. Любое предложение, вплоть до предлога, так мастерски отточено, что «улучшить» уже невозможно. Чего, увы, не скажешь о современных пьесах.

— С человеком, прожившим долгую театральную жизнь, наверняка случались курьезы. Может, вспомните?

— Это было в 56-м году в Грозненском драмтеатре. Играл я тогда Сталина в «Кремлевских курантах» и должен был выходить после слов Ленина: «Позовите мне, пожалуйста, товарища Сталина!»

Первый спектакль. Выхожу на сцену, и вдруг — будто пушечный выстрел раздается, и сразу такие овации... Оказалось, это зрители одновременно повскакивали с мест, разом хлопнув откидными крышками деревянных кресел, — отсюда и «взрыв». И так встречали спектаклей пятнадцать.

Но однажды выхожу, а в зале — гробовая тишина. Я было растерялся. Может, что-то с гримом или костюмом? Кое-как доиграл. Только потом режиссер объяснил эту метаморфозу. Спектакль пришли смотреть работники местного КГБ. А им незалого до культпохода зачитали закрытое письмо «сверху» о культе личности. Я уж думал, что пьесу запретят, но все обошлось. В прежний текст вместо Сталина вставили референта. Теперь Ленин говорил: «Позовите мне, пожалуйста, референта». И тут выходил я.

...Леонид Сергеевич улыбается, но как-то не очень весело. И провожает своим грустным, ироничным взглядом... мудреца? хитреца?

Татьяна ТУРАНСКАЯ.
Фото Светланы КУЗИНОЙ.
Леонид Броневой в спектакле «Мудрец».

